

Андрей Пермяков

Пермяков (Увицкий) Андрей Юрьевич родился 11.07.1972 в городе Кунгур Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук, работает в фармацевтической промышленности. Публиковал стихи в журналах «Арион», «Воздух», «Урал», «Волга», «Дети Ра», в сетевых изданиях. Организатор различных литературных проектов в Перми. Победитель Пермского турнира поэтов (2008). Участник товарищества поэтов «Сибирский тракт». Участник АСУП-3. С 2012 г. живёт во Владимирской области.

Филологическая маркировка стихов А.П.

Традиции, направления, течения: реализм, модернизм, сентиментализм, «новый эпос».

Основные имена влияния, переключки: А. Перверзин, А. Фет, А. Цветков, О. Мандельштам, С. Гандлевский, Г. Иванов, В. Кальпиди, Д. Веденяпин.

Основные формальные приемы, используемые автором: персонификация авторского «я» в образе лирического героя, прозаизация, детализация, номинативность, фотографичность, метафора и олицетворение, контраст, цветопись, дистанция между глубоким трагическим содержанием и внешней сдержанностью, легкостью формы.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: подробная фактура жизни / городского быта / советской эпохи, мнемонические образы, детство, состояния жизни и времена года (лето, весна, зима, снег, холод, лед), тактильные ощущения, прошлое, будущее, смерть, сон.

Творческая стратегия: отказ от трагедийности мировосприятия при глубоком и остром ощущении потери, ухода; спокойное и адекватное переживание полноты и естественности жизни; примерка смерти.

Коэффициент присутствия: 0,53

АВТОБИОГРАФИЯ

В детстве я хотел стать писателем. Непременно великим. А ещё – чемпионом мира по боксу. И по шахматам тоже. В общем, обычное дело. Но, если занятия этими видами спорта научили кое-каким навыкам анализа ситуации и оперативного на неё реагирования, то с практической пользой от стремления к литературной славе дело обстоит сложнее. Результаты собственных усилий в стихах и прозе были воистину чудовищными: гораздо хуже, нежели у большинства ровесников. Четвёрка по литературе в аттестате смотрелась относительно честной, но по русскому языку аналогичную оценку, безусловно, натянули. Запятые, кстати, до сих пор ставлю сугубо неправильно и перед редакторами испытываю вечный позор.

Справедливости ради: в отличие от клинической графомании любовь к написанию собственных текстов сопровождалась всё-таки осознанием весьма невысокого уровня творений и, соответственно, поиском неких ориентиров. Классика это понятно, однако тогда, ближе к середине восьмидесятых годов, а особенно – во второй их половине, практически все читали литературные журналы. Стандартный набор включал «Знамя», «Новый мир», «Юность» и «Дружбу народов». Мама, работавшая завучем (к счастью, не в той школе, где учился я) тоже выписывала их. Заметим: дело происходило в районном центре, в городе Кунгуре. В этом отношении время было хорошим и правильным.

Прекрасным шоком стало появление в «Юности» рубрики «Испытательный стенд». До сих пор отчётливо помню аляповатую обложку с цитатой из М. Светлова, а внутри – совершенно другие стихи. Ерёмченко, Гандлевский, Жданов, Искренко, Арабов, Шатуновский: аналогичные ощущения вне боксёрского ринга до этого вызывал только Велимир Хлебников. Кроме чтения с бумаги, некоторая часть поэтических текстов воспринималась вместе с музыкой. В отличие от абсолютного большинства нынешней музыкальной продукции, в то время поэзия в песнях ещё была жива вполне: Высоцкий, Окуджава. Чуть позже – Башлачёв. А для «Наутилуса» тексты тогда писал Илья Кормильцев.

После школы поступил в Пермский медицинский институт: с биологией и химией было получше, нежели с другими предметами. Ещё более-менее неплохо понимал историю, но на историческом факультете конкурс в 1989 г. был человек 30 на место, испугался. До приезда в Пермь из уральских поэтов знал одно-единственное имя: Алексей Решетов. Он, правда, воспринимался абсолютным классиком. А, как потом оказалось, жил в этом же городе и, кстати, писал свои лучшие

А.П., 1978 г.

стихи, в отличие от ранних, недооценённые и по сей день.

Впрочем, довольно быстро услышал и о других пермских авторах. Среди бурного андеграундного шума определил для себя действительно интересные. Виталия Кальпида, скорее всего, узнал по книге «Пласты»: отделы поэзии книжных магазинов тогда ещё отражали реальную ситуацию. Юрия Беликова и Владислава Дрожжих, кажется, прочёл в газете «Дети Стронция»: её Беликов, собственно, и издавал. Всё это, в отличие от «стихов пермских поэтов», звучавших на местном радио, нравилось, но было ощущение: у каждого из авторов своя дорога, и они по ней прошли уже весьма далеко. К счастью, понимал: поэзия – это не лес, и, когда по тропинке сделан хоть один шаг, то тропинка эта для идущего следом закрыта.

Сам, конечно, тоже писал. Потихоньку стихи даже становились лучше, но за отсутствием среды появлялись всё реже. Смысла демонстрировать их родственникам или сокурсникам не видел – всё равно похвалят, а нужного ничего не скажут. Нет, рифмованные гадости про преподавателей имели, конечно, успех, но всё же это несколько иной жанр.

После института врачом не работал ни дня. Тогда, в 1995-м году зарплата интерна, да и молодого доктора тоже, носила характер скорей сатирический, а уже была семья, ребёнок. Работу, впрочем, нашёл весьма интересную, связанную с созданием и производством лекарственных препаратов. Шла не имеющая к литературе отношения, но вполне занятая жизнь, где были дети, покупка жилья, защита кандидатской диссертации и много разных событий, вполне достойных стать сюжетами рассказов. Опять-таки, как у всех.

Стихи иногда писал: когда по два-три в год, когда ни одного. Ничего особенного. Да, в общем, и информации стало меньше. Книги современных поэтов из магазинов исчезли, друзья-музыканты потихоньку занялись разными полезными делами, тиражи литературных журналов упали в сотни раз, те глянецовые издания, где сохранялась претензия на некую интеллектуальность, печатали концептуалистов. Ничего личного, направление как направление, но когда деятели его утверждали: надо писать вот только так и никак иначе, это вызывало отторжение и нежелание вообще что-то делать. О местной литературной жизни доходили крохи информации. Пока была газета «Зеркало», узнал, например, об Одекале и Сергее Дадаграфе. Порадовался за людей. Но без фанатизма – опять-таки, чужой путь.

Ситуация начала меняться примерно в 2004-м году. Во-первых, фраза «собственную иммунобиологическую промышленность могут позволить себе лишь страны, обладающие пилотируемой космонавтикой» перестала звучать гордо, а сделалась намёком на довольно-таки мрачные перспективы отрасли: вместо развития предстояло заниматься сбором осколков, спасением сделанного предшествующим поколением. А во-вторых... а во-вторых, появился вопрос: «Неужели это навсегда»? Нет, семья, жильё, работа, дача – это прекрасно, но дети вот подросли, и ты им уже не так необходим. Наконец, в-третьих, появился нормальный доступ в интернет: не на полчаса в день со службы, дабы отправить письма и глянуть новости, а относительно скоростной. По старой привычке стал искать поэтов. В первую очередь, конечно же, уральских. Повезло. Сразу обнаружил тексты Бориса Рыжего и Дмитрия Долматова. И опять потрясение. Не столько даже от самих стихов (хотя и от них тоже), сколько от раскрывшихся возможностей. Дорог-то в поэзии оказалось много. И унылый всепобеждающий постмодерн сделался хоть и не менее унылым, однако, не столь сокрушительным.

Из пермских авторов, появившихся за те 10 лет, когда следить за литературой не получалось, отметил себе Пашу Чечёткина и Ольгу Роленгоф. Нашёл Олин адрес на одном из литературных сайтов, написал письмо ей о её стихах. Неожиданно получил ответ. От неё же и узнал о Живом Журнале. К тому времени уже полгода вновь писал. Опять-таки, получалось не очень. Не кокетничая: действительно, ни одного текста, написанного мной до 2006 г., не принял к печати никто и никогда. Хотя старательно подкладывал в подборки для журналов старые стихи.

Относительный прорыв случился в этом вот самом 2006 году. Наверное, сказалось общение с поэтами – а так получилось, что самыми интересными собеседниками в этом самом Живом Журнале оказались именно они. Кстати, совсем

иным образом понял тогда смысл высказываний «жизнь в слове» и «служение литературе». Ранее они мне казались лживыми, пафосными и очень соответствующими образу совписов. А оказалось всё совсем не так. В слове действительно можно жить. А если хочешь написать нечто действительно непостыдное, только так и возможно. Тут больше многих объяснила мне Ира Каренина.

Кроме того, менял работу. Позвали начальником отдела на одно из предприятий, расположенных в отдалённом районе Перми, в Закамске. Вроде бы ерунда: подумаешь, стал на работу добираться не по часу, а по полтора. Но оказалось – важный момент. Там, в Закамске, много лет назад была первая наша квартира. Жили три года, потом поменялись ближе к центру. И возвращение это, прогулки по локациям закончившейся к тому времени молодости, помогли.

Познакомился с Юрием Беликовым. Опять-таки благодаря Оле Роленгоф – на презентации её книжки. За выпивкою Юрий Александрович спросил насчёт того, пишу ли я. Сознался, отправил стишат. Через месяц он сам звонит: «Андрей, купи газету «Труд-7», много интересного увидишь». Так что первая моя публикация, наверное, навсегда останется и самой тиражной: газета с рубрикой «Приют неизвестных поэтов» выходила в количестве 650 000 экземпляров.

А в Живом Журнале мои опусы нашёл Лёша Александров, редактор отдела поэзии журнала «Волга». И тоже взял подборку. Понемногу наладилась какие-то организационные дела в Перми – поездив в тех же 2006–2007 годах по фестивалям, где организаторами были Василий Чепелев, Арсений Гончуков, Саша Петрушкин и другие не менее замечательные личности, решил сделать в своём городе подобное. Впрочем, о литературной жизни Перми двухтысячных годов в полной версии этой энциклопедии будет отдельная глава. Хотя уже тут скажу: ничего б не получилось без арт-группы «А-Либитум», состоявшей из Светы Домрачевой и Рустама Паймурзина. Я ж ни зала арендовать не умел, ни денег с городской администрации испросить.

И о товариществе поэтов «Сибирский тракт» тоже отдельная глава будет. Хотя как это наше товарищество отделить от литературной жизни города Перми тогдашних недавних времён, — не знаю. В общем, 2007–2008 года прошли интересно: стихов было много и славных знакомств тоже. А потом пришлось уезжать.

Переезд в Подмосковье никак не был связан с литературой. Более того, в Перми б в этом плане жить было не в пример удобнее. Но удалось накопить много долгов. Обычных таких долгов, не моральных, а финансовых. Жизнь опять стала тяжелой в материальном плане. А тут предложили работу с оплатой, казавшейся достойной. Особо и не думал. Хотя жаль, конечно, было уезжать.

Морально при переезде очень помог Олег Дозмор. Объяснил много про местные нравы и обычаи. Ни малейшей враждебности я, кстати, в Москве не заметил. Во всяком случае, на Урале межличностные отношения, кажется, куда жёстче. Олег потом ещё помогал, только он об этом не знал: я, когда приходил домой пьяным, отвечал честно: «Выпили с Дозморовым бутылку на двоих». Так продолжалось, пока Олег в гости не приехал, и все увидели, что он спиртного совсем не пьёт.

Кстати, чтоб два раза не вставать: ничего хорошего в алкоголе не вижу. Вот ни пьяный, ни с похмелья ни одного хотя бы среднего стишка не написал, ничего умного не сотворил. А гадостей и глупостей — сотни. Иногда почти ужасного свойства. Сломал, например, ключицу очень хорошему пермскому прозаику Алексею Черепанову. Стыдно. Впрочем, это уже совсем другая тема, отдельная.

В Москве, едва ли не на следующий день по приезде, был отведён поэтом Сергеем Шабуцким на семинар Леонида Костюкова. До этого учился стихописанию исключительно контрабандой, подворовывая у классиков и современников, а тут, в возрасте тридцати шести годиков, получил весьма полезный опыт некоего регулярного процесса. И не в плане «вот это слово поменять надо на вот это», а действительно ценных знаний о ценных вещах. Сразу стал писать гораздо хуже: неизбежный момент при столкновении собственного опыта с новой информацией. Да и город был чужим.

Спасло, опять-таки, возвращение. На сей раз – из столицы в Россию. Москва удобно расположена в транспортном отношении: с вечера пятницы можно уехать автостопом куда-нибудь за полтысячи километров, погостить там, а к утру понедельника вернуться. Кроме того, работа у меня связана с вредными условиями, оттого отпуск длинный. В 2009 г. написал прозаическую книжку «Десятая часть года» – ровно тридцать шесть с половиной дней катался тогда по стране. Автостоп, кстати, за последние двадцать лет сделался не в пример легче. Машин больше, подбирают охотнее.

И ещё понравилось критику писать. Всё равно, даже при самом внимательном чтении, не сможешь понять автора так, как поймёшь, когда захочешь о нём сказать нечто вразумительное. О будущем загадывать не хочу. Бессмысленно это. Вот кто знал, например, что у меня ребёнок заболел? Он уже почти взрослый вырос, а теперь заболел. Всерьёз и, кажется, надолго. Так что ничего конкретного не планирую. Ну, может быть, в относительно дальнем будущем – возвращение. Не обязательно на Урал, возможно, на Волгу куда-нибудь, там тоже красиво.

Ещё роман хочу написать. И книжку поэтическую издать когда-нибудь. А больше планов нет. Бесплезное это дело, планы.